

1992 ГОД: НАБЕРЕМСЯ МУЖЕСТВА!

КЕМЕРОВО

Городская газета

№ 19

среда

1

января
1992 года

ЦЕНА 20 коп.

ЧТО ТАМ – В НОВОМ ГОДУ?

Он наступил и мы в недоумении. Впереди неизведанные джунгли рыночной экономики. Резкий перепад цен, в перспективе пачки «веренок». Гуманитарная помощь — нам таким гордым и добрым — от тех, кого мы были готовы раздать одним махом. Обидно. Обидно за сгоревшие годы, утраченные идеалы. Жизнь ведет к тому, чтобы одеть нас в телогрейки и сапоги, а весной искать на огородах прошлогодний картофель. Да минует нас эта судьба. Есть еще надежда на разум и свои руки.

У политиков задача — как удержаться у власти, создать свою особую республику, область, город, район. У нас — открытые границы и справедливые законы. Проживем... перетерпели Япония, Германия, Чили, Польша, и мы пройдем этот путь.

Более терпеливого, непривычного народа, чем русский, в мире нет. Нами командовали — мы шли, на праздники и войны, воодушевленные интернациональным братством. Сейчас скажали — думайте, а мы отвыкли, всегда за нас думали. Но это преодолимо. Иванушки-дурачок всегда находил выход и в накладе не оставался. Российский мужик генералов кормил, блок подковывал и всегда верил. Распахивал душу и карман, работал до изнеможения, стремился дать детям образование, чтобы им жилось лучше.

Другое дело, что образованные люди свои способности употребляли на бессмыслицу работу, крюкотворство, смиряясь с неизбежностью системы, которой, в конечном счете, не нужен был талант и смекалка. С «октябрят» и до конца жизни мы стояли в шеренгах, рядах, отрядах, колоннах.

Нам сказали: «Делайте — о чём вы всегда думали». А чтобы делать, нужны опыт и знания. Начиная этап приватизации, большинство из нас не читало Закона «О приватизации в РСФСР», а он должен стать настольной книгой и руководством каждого.

Невежество губит профсоюзных руководителей, членов СТК, партий, общественных организаций, технической интеллигенции и руководителей. Завтра или послезавтра вы поймете, что вас обманули и поезд ушел.

Впереди стихийные и спровоцированные бунты, забастовки, возможна смена правительства, хотя более достойного нет и не будет. Наступит новый этап. Сопротивление бюрократической машины реформам, злоупотребления номенклатурной приватизации получат должную оценку. Жесткой рукой будет проводиться эконо-

мическая политика, основы которой заложены сегодня. Произойдет это конституционным путем, а не путем военных переворотов, которыми пугают и готовят с миром отпущенные сторонники ГКЧП.

Мы долго ждали. Решительный шаг сделан. Другого пути нет и не будет. Нужно терпеть. Всесторонняя помощь детям, пенсионерам и инвалидам. У кого есть голова и руки, должны заботиться о себе. Новые экономические отношения расставят всех по своим местам.

У трудовых коллективов есть шанс через свободные профсоюзы, выдвижение освобожденных представителей в рабочие комитеты, через политическое крыло в Советах народных депутатов защищать свои интересы. Иначе бунт, анархия, беззаконность, насилие и обман.

Система в лице доброго на-

чальника, внимательного чиновника, над которыми такие же обаятельные люди, не будет пускать вас в цивилизованный мир, пока не исчерпает своих возможностей.

По стране вояжируют Жири-

новский, Коган, Алксис, бес-

аются разномастные коммунисты.

Державинцы Травкина,

националисты Шамиева брос-

цими лозунгами разжигают

огонь взаимной вражды. По-

страдают одураченные люди и

мы. Рукой голода администра-

тивной системы пытаются

перевернуть сознание народа,

поддерживающего демократиче-

ские силы.

Толпа аморальна. Верить

можно только тем, кого хоро-

шо знаешь. «Памятники» и

Жириновские среди нас. Ре-

шительных людей много, а

умных мало. Масса чиновни-

ков, перекладывающих бумаги

с места на место, в ближай-

шее время будет освобождена

от работы. Трагедия? В каком-

то смысле — да. Но мы долж-

ны помнить о их высокой ква-

лификации, оставшейся до

настоящего времени навостре-

бованной. Что бы ни говорили,

это цвет общества, осевший

на престижных местах и он

поменяет жизненные ориенти-

ры в такой кратчайший срок,

в какой неспособны самые

«твёрдокаменные» «демокра-

ты».

Завтра мы встанем в оче-

редь, слава Богу, не за распре-

деляемыми продуктами. Мы

встанем в очередь за работой

— любой, грязной и непрести-

жной, и начнем понимать, что

не должна красить человека.

Наше «завтра» обречено на

успех, будем его достойны.

Оптимизма и счастья всем

в Новом году.

В. ДЕГТАРЕВ,
депутат горсовета.

Все мы в смятении: 1992 год видится в таком тумане, так пугают нас колоссальные цены и грядущий голод...

Предлагаем вашему вниманию три точки зрения на будущее...

ГЕРАКЛИТ, МАРКС И НАША ГАЗЕТА

(Редакция газеты «Кемерово»: руку дружбы и сотрудничества, господа предприниматели!)

Что лично меня удручет? на российскую почву в данный момент никак не ложится. Ка-диалектика, начиная от Гера-нашней экономике. Не знаю, питаизм, мол, западывает. Смогу ли купить на свои тру-водовые рубли холдингник, если едруг мой «Бирюса», отрабо-тавшая 22 года, завтра отка-жаль. Нам сейчас уже ничего не страшно. Главное, чтобы не приглашали что-то под иллюзии.

Появится ли?

Лучшем такая надежды явилось недавнее открытие новой обувной фабрики акционерного общества «Кемир», построенной совместно с ита-льянцами. 300 тысяч пар же-иской обуви в год, это, конечно, очень мало. Эти «пары» лишь увеличат давку в очереди. Но в этом факте, имею в виду са-му фабрику, иной ранжир: на-конец-то от разрушения кто-то перешел к созиданию. А вот еще один факт. В областном центре состоялась презентация первого в Кузбассе сельскохозяйственного магазина, принадлежащего госплемзаводу «Ок-тябрьский».

Сказано противоречиво, чи-то по-французски. Да, как-то прорывается Бог с ними, ино-странцами. Главное, суть ясна: предприниматели, завтра — четырехдескать, рыночная экономика ре, затем — восемь и так да-ле. Ведь какая бы ни была диалектика, начиная от Гера-нашней экономике. Не знаю, питаизм, мол, западывает. Смогу ли купить на свои тру-водовые рубли холдингник, если едруг мой «Бирюса», отрабо-тавшая 22 года, завтра отка-жаль. Нам сейчас уже ничего не страшно. Главное, чтобы не приглашали что-то под иллюзии.

Все мы уже сыты по горло стихией разрушительства. Тогда же и мы не будем падать духом, поверим в диалектику.

Наша газета «Кемерово» намерена внимательно следить за всеми добрыми переменами, происходящими в экономике города. На ее страницах всегда найдется место для тех, кто занялся предпринимательством, несущим горожанам какое-то облегчение их жизни. Кому нужна реклама новому делу, кто желает, чтобы их труд оценивался не только материально, но и морально, звоните по редакционным телефонам или по телефону 52-86-88. Вы всегда найдете поддержку. Ждем сообщений о новых предприятиях, работающих на горожан!

Анатолий ЖОХОВ

НЕ ПОКУПАЙТЕ!

Руководством России 2 января 1992 года будут отпущены, либерализованы цены — начинается движение к рынку. Что идет нас в этот период? Какие мы сами можем предпринять меры, чтобы до минимума свести личные потери от подскочивших цен? Ведь далеко не каждый имеет возможность покупать что-либо по высокой цене. Или мы, горожане, никак не можем повлиять на их изменение? Может. Сначала давайте разберемся, что ведет к повышению цен на рынке. Прежде всего — спрос. Чем быстрее расходит товар, тем больше заинтересован торговец в том, чтобы повысить цену. Ведь со временем растет и прибыль от реализации товара.

Могут ли цены расти бесконечно в какой-то конкретный период времени? Нет. Любой продавец ориентируется на то количество денег, которое находится в кармане у покупателя. Это же очень просто, если нет денег, товар не будут покупать. Повышение цен ведет к требованиям повысить зарплату, повышение зарплаты ведет к повышению цен на рынке. Прежде всего — спрос. Чем быстрее расходится товар, тем больше заинтересован торговец в том, чтобы повысить цену. Ведь со временем растет и прибыль от реализации товара.

Есть и другая причина повышения цен — рост себестоимости производства товара, которая складывается из материальных затрат на производство товара. Сюда входит и заработная плата работникам — производителям товара.

Повышение цен ведет к требованиям повысить зарплату, повышение зарплаты ведет к повышению цен на рынке. Прежде всего — спрос. Чем быстрее расходится товар, тем больше заинтересован торговец в том, чтобы повысить цену. Ведь со временем растет и прибыль от реализации товара.

Мы не знаем, сколько товара успела припрятать теневая торговля (есть ли у нас не теневая?), но единственный способ ограничить ее сверхприбыли и самим получить наименьший ущерб — сократить спрос на товары, продаваемые по свободным ценам. Не покупайте или покупайте как можно меньше!

Денис ПУРЯЕВ,
кемеровчанин.

«Не суди о человеке по наружности», — говорят в Японии, и к Рескэ Ханан эти слова подходили как нельзя лучше. Ему было шестьдесят два, но выглядел он гораздо моложе, самое большое — лет на пятьдесят с хвостиком. Волосы у него, правда, уже поредели, но юношина пока не появилась, а морщины на свежем, загорелом лице не бросались в глаза. Дружелюбные, немного навыкатые глаза под вопросительно приподнятыми бровями, вздернутый нос, мясистый, ульчийский рот. В общем, это круглое, толстощекое лицо свидетельствовало о том, что его обладатель — человек покладистый и незлой. Несмотря на пухлую физиономию, небольшое тело Ханан было крепко сбитым и мускулистым.

Последние пятнадцать лет он проработал таксистом, но его миновали профессиональные шоферские недуги — боли в позвоночнике и желудочно-кишечные заболевания. Сам факт, что в шестьдесят два года Ханан ни на что особенно не жаловался, красноречиво говорил о его железном здоровье.

И тем не менее с работой ему пришлось расстаться, а с этим он примириться никак не мог. Рескэ работал шофером в одной из четырех крупнейших таксомоторных компаний, а там пенсионный возраст был установлен в шестьдесят лет. Поскольку Ханан, и достигнув этого рубежа, привозил выручки не меньше, чем водители помоложе, руководство фирмы некоторое время смотрело на его возраст сквозь пальцы, но через два года компании все-таки пришлось отстранить Ханана от работы, так как это шло вразрез с установленными правилами. Нельзя было ставить одного шофера в исключительное положение, создавая нежелательный прецедент.

Руководство компании сняло Ханана с рейсов и предложило ему канцелярскую работу, однако он не согласился. Так на его месте поступило бы большинство таксистов. Они привыкли к тому, что стоит им выехать за ворота парка, и они вольные птицы — не надо сидеть весь день скрючившись за столом, подстраиваясь под настроение начальства, подобно обычным служащим. В этом, безусловно, есть своя прелест: сел в машину, тронулся с места — и сам себе хозяин. Существует, конечно, определенная норма дневной выработки, и если водитель не выполнит ее, он ничего не заработает.

Таксисту с хорошим чутьем сделать норму — раз плюнуть, в особенности если он работает в крупной фирме, которая обязательно имеет множество постоянных клиентов. Машины такой компании оснащены радиотелефоном, и заявки от клиентов сразу передаются шоферам из диспетчерской, так что им заработка достается легче, чем водителям небольших транспортных фирм.

Провести за рулем почти целые сутки, постоянно разыскивая новых пассажиров, очень тяжело, это требует огромного напряжения — и физического, и нервного; в концу смены шоферы от усталости буквально валяются с ног. Но зато им не приходится, как большинству людей, сидеть привязанными к рабочему месту, и к этому прибавляется еще горделивое сознание того, что ты зарабатываешь деньги совершенно самостоятельно, без чьей-либо помощи и подсказки.

Порой бывает, что таксист, устав от тяжелых нагрузок и вечного беспокойства по поводу нормы, бросает свою работу и поступает на какую-нибудь обычную службу, однако, будучи не в силах выне-

сти скованности и монотонности новой работы, он чаще всего снова садится за баранку.

Рескэ Ханан был таксист до мозга костей. Машина слушалась малейшего прикосновения его пальцев, и еще он обладал поразительным чутьем на клиента. Для шофера такси главное — уметь с одного взгляда безошибочно определить, кто из прохожих станет пассажиром, а кто нет, и еще очень важно рассчитать время так, чтобы потенциальный клиент сел в твою, а не в чужую машину. Здесь все решается мгновенно, с помощью шесто-

ти, но ее внимание было ему очень дорого. Ради такой дочки стоит вкалывать, думал он.

— Ничего, — сказала Масако, заходя в кухню, — у меня завтра занятия после обеда. Я лежала и читала, не переживай. Давай лучше собирайся.

— Ну-ну, ладио.

Рескэ пошел в ванную, почистил зубы, побрился, ополоснул лицо холодной водой и не спеша справил нужду.

Настроение стало ровным, хорошим, теперь можно было и на работу. Выйдя из ванной, Рескэ потянул носом аппетитный запах, доносящийся из

колледжа и устраивающий куданибудь на работу. Тогда тебе не придется надрываться.

— Не болтай ерунды! Сколько трудов стоило попасть в колледж, а ты хочешь все усилия пустить на ветер?! Да ни за что на свете!

Рескэ грохотал и делал страшные глаза, но сердце его разрывалось от любви, когда он смотрел на заплаканное, совсем еще детское лицо Масако.

«Да для такой дочки я на что хочешь пойду!» — сно-ва подумал он.

И потом я люблю свою работу. Мне нравится быть.

Дэрио ИКУСИМА.

ТАКСИСТ

го чувства. Таксист, имеющий «нюю», всегда притормозит перед клиентом секунду в секунду и лихо умчит его прочь. А шофер, лишенный этого чутки, на несколько секунд опоздает, и пассажира уведут у него из-под носа.

Рескэ имел безошибочный «ню», к тому же за пятнадцать лет работы таксистом у него набралось немало постоянных клиентов. Поэтому он чувствовал себя очень уверенно и каждый раз, кружка по улицам, испытывая огромное удовольствие, проверяя свое шестое чувство при поиске очередного пассажира.

Нет, ему не улыбалось менять свою баранку на каждодневное сидение за канцелярским столом. Решив, что лучше вообще уйти из фирмы, Рескэ подал заявление и уволился.

В маленьких компаниях не так строго придерживаются правил, подумал он и попытался найти работу там, но даже маленькие фирмы, узнав, что ему уже шестьдесят два, брать его не хотели. Так Рескэ стал безработным. У него имелись кое-какие сбережения, и нищета ему пока не грозила, но этих денег не могло хватить надолго. Надо было искать работу.

Кроме того, у Рескэ росла дочь, в этом году ей исполнилось восемнадцать. Она родилась, когда ему уже стукнуло сорок четыре; и после того, как три года назад умерла жена, Рескэ жил с дочкой вдвоем. Весь смысл его жизни заключался в Масако. Девушка совсем недавно поступила на первый курс колледжа, и Рескэ твердо решил продолжать работать до тех пор, пока она не закончит учебу.

Как всегда, он проснулся ровно в полночь. Поужинав с дочкой в шесть часов вечера, Рескэ ложился спать и в двенадцать просыпался. За последние полгода это вошло у него в привычку.

Когда Рескэ был моложе, он мог двое суток подряд обходиться без сна и никогда не клевал носом, если не высапался.

Но почему тебе все время приходится подменять по ночам? Неужели ничего нельзя сделать?

— Нет. Дневную смену всегда отдают штатным шоферам. Вот и получается, что свободным чаще всего остается ночное время. А мне так даже лучше.

Если бы я ходил в парк днем, труднее было бы получить машину, а чем сидеть там и ждать, не освободится ли какое-нибудь такси, лучше ужходить ночью. Почти наверняка без работы не останешься. Так что ты не волнуйся. Я пятнадцать лет прокрутил баранку, сутками не вылезал из машины. По сравнению с той порой сейчас просто лафа.

— Да мне невыносима мысль, что ты вообще должен работать в таком возрасте! — со слезами в голосе воскликнула Масако. — Надо бросать

таксистом. Я не ухожу из фирмы вовсе не из-за твоей учебы. Пока я здоров, я такси не брошу.

И это было правдой.

— Если я перестану работать, я сразу превращусь в старика. Такси — залог моего здоровья. А брось ты колледж и устройся куда-нибудь на службу, тебе будут платить столько, что мне этого и на табак не хватит. Я должен накопить немного денег на старость. Понимаешь, Масако?

— Да.

Масако смахнула слезы с кистями пальцев и улыбнулась отцу.

— Я буду хорошо учиться и получу диплом, а потом устроюсь на работу в солидную фирму, и тогда у тебя, папочка, будет все, что ты захочешь.

— Ну вот и умница.

Рескэ тоже улыбнулся и, доехав все до последней крошки, встал из-за стола.

— Ну, я пошел.

— Счастливо, папочка.

Масако проводила его до двери и помахала вслед рукой. Этот детский жест, такой знакомый Рескэ, помог ему вновь обрести хорошее расположение духа.

Отойдя метров на пятьсот от дома, он остановил такси и велел водителю ехать в Икебукуро. Путь неблизкий и влечет в ионечку, но ничего не поделаешь. За минувшие полгода Рескэ «обработал» все более или менее близкие районы, а промышляя несколько раз в одном и том же месте было опасно.

Он, конечно, прекрасно знал, как быстрее всего доехать от этой улицы до Икебукуро, — за пятнадцать лет работы в такси названия и расположения кварталов, улиц, домов и парков накрепко засели в его голове. Но водитель машины, в которую он сел, молодой парень лет двадцати пяти, судя по всему, набраться опыта еще не успел. Для такого ветерана, как Рескэ, это было заметно с первого взгляда — по тому, как шофер брался за рычаг переключения скоростей, следил за проездной частью, вообще по самому ходу машины.

Сидевшему на заднем сиденье Рескэ неопытность шо夫ера действовала на нервы, и он с трудом сдерживался, чтобы не начать учить парня уму-разуму. Только когда машина свернула не в ту сторону, он сделал водителю замечание. Среди таксистов попадаются такие, которые, видя, что пассажир не знает дороги, норовят провезти его кружным путем, чтобы побольше нащелкали на счетчике. Но этот парень, видимо, просто еще недостаточно хорошо знал город. Рескэ объяснил ему, как надо ехать, и шофер удивился:

— Как вы хорошо знаете Токио! Лучше, чем мы, таксисты.

Рескэ внутренне замер, но фиксированную зарплату, ко-

ответил нарочито небрежным тоном:

— Да нет, просто я всегда езжу этой дорогой, только и всего.

Опытный таксист сразу распознал бы в нем своего, а этот слишком зелен, успокоил себя Гескэ.

— Что, все время ездите в Икебукуро по ночам? — еще больше поразился шофер. — Извините, а что это у вас за работа такая?

— Почему работа? Я иногда, как сегодня, например, засиживаюсь тут у приятеля за игрой в маджан, вот и приходится возвращаться домой на такси. Я живу в Икебукуро.

Рескэ внутренне улыбнулся, представив, как отвисла бы челюсть у парня, если тот узнал, что они коллеги, да еще кое-что насчет его ночной работы.

— В моем возрасте уже утомительно засиживаться за игрой допоздна.

— Наверно. Среди нас, таксистов, тоже многие любят играть на деньги. Есть такие, которые все свободное время во что-нибудь режутся. Я тоже люблю это дело. Тут проходится в пух и прах, вот и приходится назертьвать за бараник.

Рескэ и так знал, что таксисты любят азартные игры, будь то скачки, бега, маджан, карты или кости. Те из них, кому вдруг повезет, нередко пускаются в темные делишки и, как правило, остаются на барах, потеряв в этих махинациях силы и здоровье. Встречаются, правда, и таксисты другого типа — оборотистые ребята, которые, скопив немного денег, начинают скживать своим азартным творицам под проценты, спекулируя земельными участками, да еще, глядишь, и жена у такого хозяйствничает в собственной забегаловке. Рескэ не относился ни к тем, ни к другим. Он был не прочь иногда сыграть в приятной компании, но всерьез этим никогда не увлекался. Не пытался он и нахваливаться на страсти своих товарищей. Рескэ всегда гордился, что зарабатывает на жизнь честным трудом...

Он вышел из такси примерно за полкилометра до намеченного места. Ближе вылезать никак нельзя: если потом начнется разбирательство, шофер может сопоставить факты и сообщить в полицию его приметы.

На улице не было ни души, шел второй час ночи. Рескэ неторопливо приближался к цели своей поездки. Это был гараж небольшой таксомоторной компании. Он заранее выяснил, что фирма имеет около двадцати машин. Именно такие предприятия подходили для его намерений лучше всего.

«Работа» Рескэ заключалась в том, что он пробирался в гараж, садился в чужое такси и уезжал в город на промысел. Таких, как он, прозвали «похитителями такси». Угнанную машину он никому не прягал и никому не продавал. Он просто как бы «одалживал» ее у компании на время, возил пассажиров, а потом, израсходовав бензин, бросал автомобиль и возвращался домой.

Сам перед собой Рескэ оправдывался тем, что машины не крадут — ведь они потом все равно возвращаются к владельцу. Он берет немного бензина и некоторое время пользуется машиной, только и все. Фирма терпит не бог весть какие убытки, а значит, не так уж велика и его вина.

Доход от этого промысла Рескэ имел не плохой. Обычный таксист зарабатывает за день тысяч тридцать имен. Шестьдесят процентов выручки достаются ему, остальное забирает фирма. Рескэ объяснил ему, как надо ехать, и шофер удивился:

— Как вы хорошо знаете Токио! Лучше, чем мы, таксисты.

торая вместе со сдельным заработком дает в месяц тысяч двести. Такие компании гарантируют социальное страхование и все такое прочее, но за это и берут не сорок процентов выручки, а пятьдесят.

В небольших фирмах постыянной зарплаты шоферы обычно не имеют, а работают только сдельно; сколько заработал, столько получил. Но в отличие от таксистов крупных компаний они, как правило, не получают заказы через диспетчерскую, и им приходится полагаться только на себя. Все же за тридцать смен в месяц, по двадцать четыре часа каждая, свои двести тысяч таксисты имеют и там, а те, что поинструе, могут заработать и все триста.

Рескэ же не надо было дельться с фирмой, он всю выручку клал себе в карман. Однако доля риска с каждым «выходом в дело» все возрастила, поэтому Рескэ взял за правило отправляться на свой ночной промысел не чаще пяти раз в месяц, а остальное время занимался сбором сведений об очередном «объекте». Но и пяти раз для такого опытного таксиста было достаточно, чтобы зарабатывать в месяц тысячу полтораста.

За полгода Рескэ «обрабатал» немало таксомоторных компаний, выбирая те, что поменьше. Дилетанту может показаться, что угонять такси у больших фирм, имеющих по несколько автопарков и не одну сотню машин, гораздо проще, но Рескэ сам раньше работал в крупной фирме и знал, что это далеко не так.

Каждая из четырех компаний-гигантов имеет радиоцентр и в случае угона такси немедленно извещает по радио всех своих шоферов, находящихся в рейсе, чтобы те искали похищенный автомобиль. Четыре компании помогают друг другу, сообщая водителям данные о пропавшей машине, даже если она принадлежит другой фирме. В общей сложности у этих компаний более тысячи такси, так что укрыться от внимательных глаз их водителей, сущих по всему городу, совсем непросто.

По этим соображениям угонять машины крупных фирм не имело смысла — много риска, много нервов и очень мало районов, где можно спокойно «работать».

Эффективность системы радиосвязи больших таксомоторных компаний признала и полиция. В случае какого-либо чрезвычайного происшествия она немедленно обращается к таксистам за помощью. Тогда из диспетчерской подают шоферам особый, в каждой фирме свой код, сигнал и передают информацию, используя условный язык, непонятный пассажирам. Например, если разыскивается особо опасный преступник, совершивший убийство или ограбление, диспетчер объявляет: «Одним из пассажиров оставлен в такси большой коричневый портфель. Приметы пассажира...», — и дальше следует описание одежды, возраста и прочих примет преступника.

Если в машину сел пассажир, похожий по описанию на разыскиваемого, шофер зажигает красную лампочку, специально установленную на крыше автомобиля. Тогда первая же встречная патрульная машина остановит такси и проверит пассажира. Конечно, можно было бы просто отвезти подозреваемого в ближайший полицейский участок или остановиться возле любого поста, но в случае ошибки клиент наверняка устроит таксисту скандал, и преступник фирмы пострадает, вот почему был изобретен способ извещать полицию, не привлекая внимания пассажира.

Если разыскиваемый преступник не относится к разряду

«особо опасных», диспетчер говорит вместо «большой портфель» «маленький портфель» или «сверток». Очень хорошо понимая опасность радиотелефона, Рескэ никогда не угонял машин, принадлежащих четырем токийским транспортным корпорациям. На такси небольших компаний, даже если в них установлена радиосвязь с диспетчерской, работать было гораздо безопаснее. Да и потом шоферы таких фирм привыкли полагаться не только на заказы, передаваемые диспетчером по радио, сколько на собственный глаз, так что высматривать угнанный автомобиль им в общем-то некогда.

В диспетчерской выбранного Рескэ гаража никого не было видно. Позднее, после двух, она наполнился вернувшимися со смены водителями, но пока здесь было тихо. У входа в гараж таксопарка всегда полно народа. В крупных компаниях дежурят специальные охранники, но они не могут знать всех шоферов в лицо, а проверять каждого входящего и выходящего не имеют возможности. В маленьких компаниях, где никаких охранников, конечно, нет, водителей и служащих все-таки тоже немало, и не все знают друг друга, чем Рескэ и пользовался.

Он спокойно прошел через диспетчерскую и направился через двор к гаражу. Рескэ столько лет проработал в такси, что ни его облик, ни походка у случайного наблюдателя не могли вызвать сомнений в том, что он шофер. И все же, шагнул в проходную, он испытал некий душевный трепет. За полгода он уже успел привыкнуть к этому остному ощущению, и теперь оно доставляло ему несказанное удовольствие. На случай, если его вдруг остановят, Рескэ заготовил ответ:

— Ваш водитель. Судзуки его фамилия, мне должен денеги. Он говорил, что его можно застать в два ночи, на пересменке.

Фамилия Судзуки весьма распространена, возможно, что кого-нибудь из шоферов действительно так зовут. А таксисты вечно кому-то должны, и их на самом деле проще всего застать на месте часа в два ночи. Если же здесь водителя Судзуки не окажется, у Рескэ была в запасе отговорка:

— Странно. Неужели он опять уволился? Вечно он меется с места на место... А как же я получу свои деньги?

Бряд ли служащийпомнит фамилии шоферов, которые в фирме уже не работают, он наверняка только посочувствует Рескэ. Таксисты, которые назанимаются у всех денег, а потом увольняются и ищики свидетельствуются не так уж редко.

Но никто не остановил Рескэ, и он беспрепятственно прошел в гараж. Там стояло пять машин. Видимо, некоторые водители — те, кому сегодня повезло с выручкой или кто очень устал и заехал передохнуть, — уже вернулись в парк. Рескэ внимательно осмотрел автомобили. Для такого опытного таксиста было достаточно одного беглого взгляда, чтобы определить, в каком состоянии находится машина и которая из них лучше подходит для его цели. Рескэ остановил для выбора на ухоженном, только что из мойки такси. Если машину уже помыли, значит, водитель закончил работу. Остальные автомобили стояли пыльные — стало быть, их рабочий день еще не кончился, то есть у них наверняка неполные баки, да и отдыхающий шофер в любую минуту может вернуться к своему автомобилю. А пропажа вымытой машины будет обнаружена, только когда придет

сменщик водителя, закончивший работу.

Он дал газ, тихонько тронул машину с места и не спеша выехал за ворота. «Готово! — подумал он, и по спине снова пробежала радостная дрожь, губы расплзлись в довольной улыбке.

Минуты через три Рескэ уже знал все особенности автомобили: и упрогую экскелератора, и специфику переключения передач. Каждая машина имеет свой норов, а особенно работяга-такси. У нее есть свои хворобы, и водитель, знает их, как свои пять пальцев, дает указания ремонтникам, что и где надо исправить или отрегулировать. Незнание индивидуальных особенностей автомобиля может привести к аварии. Для обычного таксиста небольшая авария — не бог весть какая трагедия. Ну, заставят написать объяснительную, а фирма все уладит и починит. Но для Рескэ попасть в дорожно-транспортное происшествие было бы катастрофой — сразу обнаружится, что машина угнана. От него требовалась максимальная осторожность в управлении автомобилем, чтобы не дай бог, не угодить даже в самую ерундловую аварию. Ни в коем случае не мог он и позволить себе ссориться с пассажирами ни по какому поводу, ему следовало быть предельно вежливым и обходительным. Нельзя было также отказывать ни одному клиенту в посадке. Таксистов чаще всего выгоняют с работы именно из-за жалоб такого рода. На первый и второй раз с них берут объяснительную, а на третий — без разговоров увольняют из фирмы. Таково правило, установленное Управлением наземного транспорта, и оно неукоснительно соблюдается.

Вам, наверное, приходилось видеть таких таксистов, которые отказываются сажать в машину клиента без дополнительной мэзы, когда человеку, допустим, надо ехать ночью в какой-нибудь глухой район. Если такой клиент, обозлившись, запишет номер такси и пошлет жалобу в фирму, врачу недодровать. Рескэ подобной выходки позволил себе тем более не мог. Он и в прежние времена не опускался до такого свинства, чем всегда очень гордился.

Проехав минут пять по улицам, Рескэ притормозил возле темного здания и снял водительскую карточку, висевшую вверху слева на ветровом стекле. Такие карточки Управление наземного транспорта выдает всем шоферам такси, и без них водить машину не разрешается. Там указано имя водителя, его регистрационный номер и название фирмы, приклеена фотография и стоит печать управления.

Рескэ достал свою фотокарточку нужного размера и прикрепил ее поверх снимка водителя. Ничего не стоило подделать и всю карточку целиком, но это мог заметить чей-нибудь дотошный глаз, да и каждый раз стряпать новую фальшивку с названием фирмы было слишком хлопотно, вполне хватало замены фотокарточки. Обычно пассажиры не обращают внимание на этот кусок картона, но иногда попадаются и любопытные, которые от него делают разглядывания карточку и могут заметить, что названия фирм на ней и на дверцах машины не совпадают, а подмена фотоснимка разрешает все проблемы. Бряд ли кто-нибудь заметит, что фотография наклеена поверх другой, да с заднего сиденья этого и не видно. Полгода промысла показали Рескэ, что на сей счет он мог не беспокоиться. За рулем он всегда был начеку: внимательно следил за дорогой, старался не раздражать пассажиров

и избегал лишних разговоров. Крикнул парень, и к такси направились еще двое мужчин, прятавшихся в тени. Один из них, судя по всему, был ранен, — второй вел его под руку. С трудом они уселись в машину.

— Трогай, и поживе! — приказал Рескэ тот, который поддерживал раненого. — Гони в Акасака. И быстрее. Только смотри, чтоб патруль не сцепал.

Поняв, что грабить такси они не собираются, Рескэ немного успокоился, хотя ощущение приставленного к затылку пистолета было не из приятных. Ничего не понищешь, подумал он, придется делать все, как они хотят. А что касается патруля, то здесь их желание полностью совпадает с его собственным. Если вся эта команда попадет сейчас в руки полиции, Рескэ тоже арестуют — за угон.

— Как вы, босс? — волнуясь, спросил парень с пистолетом. — Наломал я дров. Извините меня!

Второй гангстер, мужчина лет тридцати пяти, со злостью бросил:

— Тебя, суку, убить мало. Даже баранку круить как слеует не умеешь. Сматываться надо, а он машину — в столб! Такси из-за тебя ловить придется. Если боссу станет хуже, ты, зараза, будешь в ответе!

Раненый слабым голосом сказал:

— Не ори ты так. В рану отдаст. Доедем до Акасака, у меня там врач знакомый. Такую ерундовую дырку он в два счета заштопает.

— Ну, босс, не ожидал я, что у этой швали окажется пушка. Я думал, как мы наставим на них стволы, они сразу в штаны наложат. А они — стрелят!

— За ними стоят бандиты Мурамацу. Поэтому и публика там собирается такая, что режется в маджан по тысяче иен за очко. Я как прослышил про такое дело, сразу решил накроем эту лавочку и все деньжата сцепаем. Ну и пусть за ними ребята Мурамацу, эти обирали — мелочь пузатая. Я тоже хороши, от шестерок каких-то пуль схлопотал!

— Но, босс, монеты-то мы все-таки забрали. В чемоданах, поди, миллионов шестьдесят будет, а?

Прислушиваясь к разговору бандитов, Рескэ понял, что они только что ограбили игорный притон. Видимо, якудза прознала, что шулера-любители устроили подпольную игру, и решила их обчистить, а один из содержателей притона открыл стрельбу, ранив главаря гангстеров. Но вырвака все же досталась налетчикам. Скорее всего, хозяева притона побоялись затевать настоящую перестрелку, чтобы не наделать лишнего шума. «Ничего себе — по тысяче иен за очко», — поразился Рескэ. Наверное, там собираются одни богачи. Проигравешь десять тысяч очков — плати десять миллионов! Ничего удивительного, если в тех чемоданах действително столько денег.

При мысли о том, что сзади лежат шестьдесят миллионов, Рескэ вдруг разъярился. Да ему за всю жизнь не заработал и половины этой суммы. Будь у него столько денег, он мог бы не ломать спину и Масако училась бы, сколько захотела.

В Акасака, под холмом Ногидзака, грабители ведели остановить машину возле какого-то ночного клуба. Он уже закрылся, внутри не было видно ни души. Тем не менее трое бандитов, кажется, собирались войти. Однако главарю стало хуже, и идти сам он уже не мог.

— Эй, помоги мне, — сказал мужчина лет тридцати пяти.

— Крикнул парень, и к такси направились еще двое мужчин, прятавшихся в тени. Один из них, судя по всему, был ранен, — второй вел его под руку. С трудом они уселись в машину.

— Трогай, и поживе! — приказал Рескэ тот, который поддерживал раненого. — Гони в Акасака. И быстрее. Только смотри, чтоб патруль не сцепал.

Поняв, что грабить такси они не собираются, Рескэ немного успокоился, хотя ощущение приставленного к затылку пистолета было не из приятных. Ничего не понищешь, подумал он, придется делать все, как они хотят. А что касается патруля, то здесь их желание полностью совпадает с его собственным. Если вся эта команда попадет сейчас в руки полиции, Рескэ тоже арестуют — за угон.

— Как вы, босс? — волнуясь, спросил парень с пистолетом.

— Наломал я дров. Извините меня!

Второй гангстер, мужчина лет тридцати пяти, со злостью бросил:

— Тебя, суку, убить мало. Даже баранку круить как слеует не умеешь. Сматываться надо, а он машину — в столб! Такси из-за тебя ловить придется. Если боссу станет хуже, ты, зараза, будешь в ответе!

Раненый слабым голосом сказал:

— Не ори ты так. В рану отдаст. Доедем до Акасака, у меня там врач знакомый. Такую ерундовую дырку он в два счета заштопает.

— Ну, босс, не ожидал я, что у этой швали окажется пушка. Я думал, как мы наставим на них стволы, они сразу в штаны наложат. А они — стрелят!

— За ними стоят бандиты Мурамацу. Поэтому и публика там собирается такая, что режется в маджан по тысяче иен за очко. Я как прослышил про такое дело, сразу решил накроем эту лавочку и все деньжата сцепаем. Ну и пусть за ними ребята Мурамацу, эти обирали — мелочь пузатая. Я тоже хороши, от шестерок каких-то пуль схлопотал!

— Но, босс, монеты-то мы все-таки забрали. В чемоданах, поди, миллионов шестьдесят будет, а?

Прислушиваясь к разговору бандитов, Рескэ понял, что они только что ограбили игорный притон. Видимо, якудза прознала, что шулера-любители устроили подпольную игру, и решила их обчистить, а один из содержателей притона открыл стрельбу, ранив главаря гангстеров. Но вырвака все же досталась налетчикам. Скорее всего, хозяева притона побоялись затевать настоящую перестрелку, чтобы не наделать лишнего шума. «Ничего себе — по тысяче иен за очко», — поразился Рескэ. Наверное, там собираются одни богачи. Проигравешь десять тысяч очков — плати десять миллионов! Ничего удивительного, если в тех чемоданах действително столько денег.

При мысли о том, что сзади лежат шестьдесят миллионов, Рескэ вдруг разъярился. Да ему за всю жизнь не заработал и половины этой суммы. Будь у него столько денег, он мог бы не ломать спину и Масако училась бы, сколько захотела.

В Акасака, под холмом Ногидзака, грабители ведели остановить машину возле какого-то ночного клуба. Он уже закрылся, внутри не было видно ни души. Тем не менее трое бандитов, кажется, собирались войти. Однако главарю стало хуже, и идти сам он уже не мог.

— Эй, помоги мне, — сказал мужчина лет тридцати пяти.

— Босс, скорее сюда! —

(Окончание на 4 стр.)

Рассказ

(Окончание. Нач. на 2—3 стр.).

ти парню. — Придется босса двоюром вести. Один чемодан возьми с собой, другой оставь пока здесь. Потом за ним вернешься.

Он впился глазами в лицо Рескэ и прошипел:

— Я твою рожу хорошо запомнил. Название фирмы и номер машины — тоже. Только попробуй легавым настучать — я тебя под землей достану. Пока вот он не вернется за вторым чемоданом, сиди тихо, понял?

Решив, что шофер достаточно запуган, гангстеры взяли своего босса под руки и скрылись в дверях ночного клуба.

Не успела за ними закрыться дверь, как Рескэ дал полный газ. Не сбавляя скорости, он думался до кладбища Аояма, остановил машину и доспал с заднего сиденья чемодан. Потом вылез из автомобиля, захлопнул за собой дверцу и, пройдя на соседнюю улицу, остановил такси.

Только подъезжая к дому, Рескэ наконец пришел в себя и, глубоко вздохнув, расхохотался. Лицо-то, может, они и запомнили, но ни его имя, ни адрес им неизвестен. Еле, что записано на карточке в такси, не имеет к нему никакого отношения. В полицию эта братия жаловаться не станет, покусает себе локти с досады — только и всего. А его в огромном городе им не найти. Ловко он их надул!

Вернувшись домой, Рескэ тайком от Масако пересчитал банкноты. В чемодане, битком набитом купюрами по тысяче и по десять тысяч, оказалось более сорока миллионов иен.

Свои миллионы Рескэ положил в несколько банков, и, казалось бы, они с дочерью могли жить привычно. Он, конечно, не мог сорить деньгами из опасения встревожить Масако, но рисковать свободой, угоняя такси, большие были ни к чему.

Три дня Рескэ провел дома, но отдохнуть не получалось, он почему-то не находил себе места. На четвертый день он проснулся ровно в полночь и почувствовал, что больше дома без дела не высидит. Какое это было наслаждение — проходить через ночную диспетчерскую, выбирать из всех стоящих в гараже машин одну, садиться в нее и вырываться на волю! А кружить по городу, высматривая пассажиров, и думать: вот он, мой! «Видно, мне на роду написано быть таксистом», — вздохнул Рескэ. — Без этой работы, без этого напряжения нервов и сил я скисну, превращусь в старую развалину».

Он встал и пошел в пижаме на кухню варить кофе.

— Пап, ты чего? — высунулась из своей комнаты Масако. — Ты же собирался отдохнуть от работы.

— Собирался. Но, видать, без работы мне нельзя.

Вспомнив о лежащих по бакам сорока миллионах, Рескэ, оправдываясь не столько перед дочерью, сколько перед самим собой, сказал:

— Да и нельзя долго отдыхать. Вредно для здоровья.

— Ну, тогда я приготовлю тебе поесть.

Рескэ не спеша, как всегда, собрался, и дочка проводила его до двери. Поджидая на улице такси, он раздумывал: куда бы наведаться сегодня? На душе было хорошо, и он вздохнул ночную прохладу полной грудью.

Перевод с японского Г. ЧХАРТИШВИЛИ.

ТВ в газете

ЗАПИСКИ МОЛОДОГО СКЕПТИКА

Как говорил Борис Гребенщиков в своем интервью в музобозе: «Телевидение — это от беса...». Но прежде чем по совету Бориса Гребенщикова, выбросить телевизор в окно, на голову какому-нибудь случайному прохожему, давайте посмотрим, чем же кормят нас местное телевидение. Если уж нам не добраться до центральных «бесов», давайте покритикуем хотя бы местных. Может чего и изменится.

Не знаю, как вы, а я сижу вечером к «ящику» для того, чтобы отдохнуть и расслабиться. Я ни в коем случае не против проблемных, душепитательных сюжетов и свежих новостей. Это все важно и нужно. Но после тяжелого, и для большинства людей трудового понедельника, хочется посмотреть еще что-нибудь отвлеченное. И что же мы видим? А видим мы документальный фильм «О старом Томске и белых парусах», в котором голос за кадром с увлечением рассказывает нам о том, что в 1980 году в столице братской Эстонии — Таллинне — проводилась парусная регата, так будто это было только вчера!!! Вам представляется возможность посмотреть на парусники, рассекающие волны Финского залива, на чистое голубое небо и скалы, на детишек, с увлечением занимающихся в яхтклубах и т. д...

Мне понравилось море и дети, но одного я не пойму, кому и с какой целью это было показано? Забить эфирное время? Или же это галантное предложение устроить парусную регату на Томи как раз от того места, где в Томь впадает небезызвестная Искитимка! И найдите мне еще хоть десяток человек, которые, как я, сидели у телевизора, а не выключили звук и не ушли на кухню. Будь моя воля... Будь

моя воля, я поступил бы точно так же.

Следующей передачей была «Авоська», как ласково называют в народе программу «Авось». Сюжет Игоря Зарубина о платной авторской школе меня порадовал. Давно пора пересмотреть вопрос о нашей «совковой» общеобразовательной системой и создать что-то новое. Пожалуй, среди всеобщего хаоса политической борьбы и борьбы за выживание самыми покинутыми и заброшенными оказались наши дети. И никому нет дела, что они учатся по устаревшим учебникам, в неотремонтированных кабинетах и пытаются в неотвечающих основным санитарным нормам столовых. Все мы кричим, что дети — цветы нашей жизни и дружно топчем их ногами. Но всем нам следует понять, что переустройство государства начинается не с того, какая партия будет у власти, а с воспитания и образования будущего поколения! А какая радость смотреть на красивых, веселых и жизнерадостных детей, которые не забыты ураниловкой и оценочной системой, не маршируют в столовую парами, не ходят в школу в одинаковой форме и учатся с огромным удовольствием! Я им искренне завидую, но почему-то на мой вопрос по телефону: «Какова плата за обучение в этой школе?» — мне ничего вразумительного не ответили. Неужели они не подумали, что это заинтересует? Так или иначе, хочется верить, что таких школ со временем будет больше и больше, и оплата за обучение позволит отдать в такие школы своих детей всем желающим...

Потом Игорь Зарубин сказал, что время поджимает и пора заканчивать, хотя времени, как оказалось, еще предостаточно. Вместо одного запланированного мультфильма показали

два, а потом предоставили шанс послушать «Сказки Венского леса» Штрауса в сопровождении документального фильма «На катке». Что ж, люблю приятные неожиданности.

Когда, наконец, наступило время «Шанса», стало очевидно, что такое — наш «деревянный», хотя кавычки можно и не ставить. Если внимательно присмотреться к новому рублю, то на том месте, где раньше были надписи на основных языках нашей многонациональной Родины, теперь красуются концентрические кольца, точ-в-точ, как пеньки, срезанные бензопилой! Ну так вот. Наш «деревянный» окончательно потерял всякую ценность и уважение в народе. Люди предпочитают брать наружу, и самой кодовой «валютой» становятся вещи. «Малютку» и женские сапоги месянят на цветной телевизор, видеомагнитофон — на автомобиль, автомобиль — на квадрилу и т. д.

Попадаются и любопытные объявления. Кто-то даже продает 4,5 килограмма бивня мамонта! Похоже, сезон охоты на мамонтов уже открыт, и пусть кузбассовцы не переживают, что нам, дескать, будет нечего есть и не в чем ходить. Если появятся бивни, то скоро появится и все остальное... (мясо и шкуры).

«Пульс» тоже ничем хорошим не порадовал. Что поделать, жизнь у нас такая. Таксисты в городах остерьгены. Дерут бешеные деньги. Слава Богу, что у нас в Кемерово еще можно доехать за традиционный «трок», но не всегда и не всегда.

Не радует и задолженность по зарплате, невыплаченной рабочим. Около 300 миллионов рублей. А к концу года эта цифра возрастет до одного миллиарда! А платить им надо! А денег нет! Где деньги?

Ответ до омерзения прост. Инфляция. И государство просто не успевает печатать новые купюры.

Ну, ладно, посмотрели, пережевали, сплюнули. Ерунда, переживем! Не будут платить зарплату, будем печатать деньги сами, не будет снчик, будем добывать огонь трением. А не будет мяса, перебьем начальство и кооператоров. Они у нас жирненькие, да и «Пульс» уже кончился и начался долгожданный «Авось». Для всех, да еще целых два часа! Вдруг «видик» целиком покажут!. Ах, нет! Покажут тот же скончался. Об авторской школе и дочке художника.

Сюжеты сами по себе добрые и хорошие, но мне хватило одного раза. Спасибо еще, что хоть про школу сократили и показали только отрывки. Нет! Я искренне люблю и уважаю Волкова и Медведева и всех остальных работников «Авось», но эфирное время надо беречь! И если написано, что «Авось» — вечерняя программа для всех, то она должна быть действительно для всех! Я не хочу сказать, что программы были неинтересные. Спасибо им за Цоя, и за Гребенщика, но ведь времена можно было выкроить гораздо больше за счет ненужных документальных фильмов 80-х годов и двойных сюжетов. А в конце показать хороший видеофильм, если не целиком, то хотя бы половину, а не откровенно дебильный документальный фильм «Боевые искусства», десять минут, да еще с ужасным переводом. И программы были бы интересней и насыщенней, и все бы остались довольны!

А. ПЕТРОВ,
стажер журналистского курса редакции газеты «Кемерово».

(Продолжение. Нач. в № 18).

Революция 1917-го смела акционеров КОПИКУЗа. В преддверие ушла империалистическая бойня, прокатились по-добро грому призыва «Вся власть Советам!», канула в Лету колчаковская оккупация Сибири. На Кемеровском руднике вновь, весело вгрызаясь в угольный пласт, застучала шахтерская кайла, закопошились кропотливые и досужие до работы строители в пустовавших несколько лет корпухах недостроенного коксохимического завода.

«Дорогой соседушка», как окрестили его местные жители, Щегловск, начинал посматривать на шахтерский рудник здаким козырем! Подобно пружине, раскручивалась работа и на руднике, хотя оставалась та пружина заржавевшей, несмазанной и поистертой. Но и она, хотя с большим трудом, расправлялась, — Ведро для здоровья.

Собирался. Но, видать, без работы мне нельзя.

Вспомнив о лежащих по бакам сорока миллионах, Рескэ, оправдываясь не столько перед дочерью, сколько перед самим собой, сказал:

— Да и нельзя долго отдыхать. Вредно для здоровья.

— Ну, тогда я приготовлю тебе поесть.

Рескэ не спеша, как всегда, собрался, и дочка проводила его до двери. Поджидая на улице такси, он раздумывал: куда бы наведаться сегодня? На душе было хорошо, и он вздохнул ночную прохладу полной грудью.

Перевод с японского Г. ЧХАРТИШВИЛИ.

СЕРДЦЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО КУЗБАССА

Рудник же к тому времени располагал тремя шахтами — «Центральной», «Южной» и «Владимирской», на которых работало всего 250 подземных рабочих. Поверхностных же, по обыкновению, вдвое, а то и втройне, больше. Но, как свидетельствуют документы, «это уже болезнь, кажется, всей каменноугольной промышленности Сибири, когда на одного с сошкой приходится семеро с ложкой». Метко, но очень злободневно и сегодня звучат эти слова. Да и с кадрами было проблем очень много. Автору этих строк довелось беседовать с Иваном Петровичем Шерминским — членом профсоюза с 1917 года. Он отработал в шахте «Северной» более сорока лет, награжден орденом Трудового Красного Знамени. И. П. Шермин один из немногих горняков, которые помнили еще Волковскую штоллю, заложенную в 1885 году с берега Томи, и разработку Кемеровского месторождения концессией КОПИКУЗа. Начинал трудиться с отгребальщиком, затем освоил профессию забойщика, только после этого стал артельщиком (бригадиром). Вот что он рассказал:

— В то время трудились вручную, если не считать кое-каких приспособлений и некоторых механизмов. Например, перелопачивали с перекидкой по погрузки. От погрузки по основным штрекам уголь транспортировали на берег с помощью лошадей.

Очень низким оставался

уровень техники безопасности. Газ замеряли на глазок, а если его оказывалось много — выскакивали. Отплаку производили сами рабочие, взрывников, как теперь, не было. Взрывчатыми веществами служили в основном сырцы. Они имели очень низкую производительность, забой отрывали неровно. Это были специальный горный порох, гремучий студень и динамит под названием «Грызун». Если динамит замерзал, его просто оттаивали в землянке около печи. В шахту ходили с коптилками, как их еще называли — «Бог в помощь».

Спецодежду покупали сами. Жилье доставали, кто где может. Многие снимали углы в деревнях Красная и Кемерово. Многие же просто поблизости от шахт рыли землянки и семьями жили в них. Купить продукты было негде, постоянно стояла угроза голода. Ко всему свирепствовал тиф. Что касается руководства шахты, оно занималось только о себе. Сколько было управляющих, все шиковали как могли. А могли они очень многое позволять себе. Только для шахтеров никто из них ничего не сделал. Например, у первого управляющего В.Н. Мамонтова, несмотря на то, что он жил в глухой Сибири, не выводились ее стола яства и вина самых отдаленных стран мира, закупленных по баснословным ценам. А губернанток, причем только француженок, менял почти каждый год.

П. ЛАВЛИНСКИЙ.
(Окончание следует).